

Назира

Незабвенному

Риму Каримову посвящается

64

Я УЛОВИЛ в серых глазах женщины-врача искру интереса. Она бросила на меня короткий взгляд. Затем, покопавшись в бумагах, наваленных кипой на столе, небрежно сказала:

– Приходите завтра к восьми утра. Ни есть, ни пить... Нужно ещё раз проверить вашу кровь.

Я почувствовал, как сердцебиение моё участилось.

– А этот анализ что... плохой?

– Нужно проверить ещё раз! – сухо ответила она. – Будьте здоровы!

Я ушёл. Да уж, хотелось бы оказаться здоровым, но у здорового человека, наверное, анализы должны быть нормальными с первого раза. Хотя и врачи нередко ошибаются. Завтра видно будет, рано ещё волноваться...

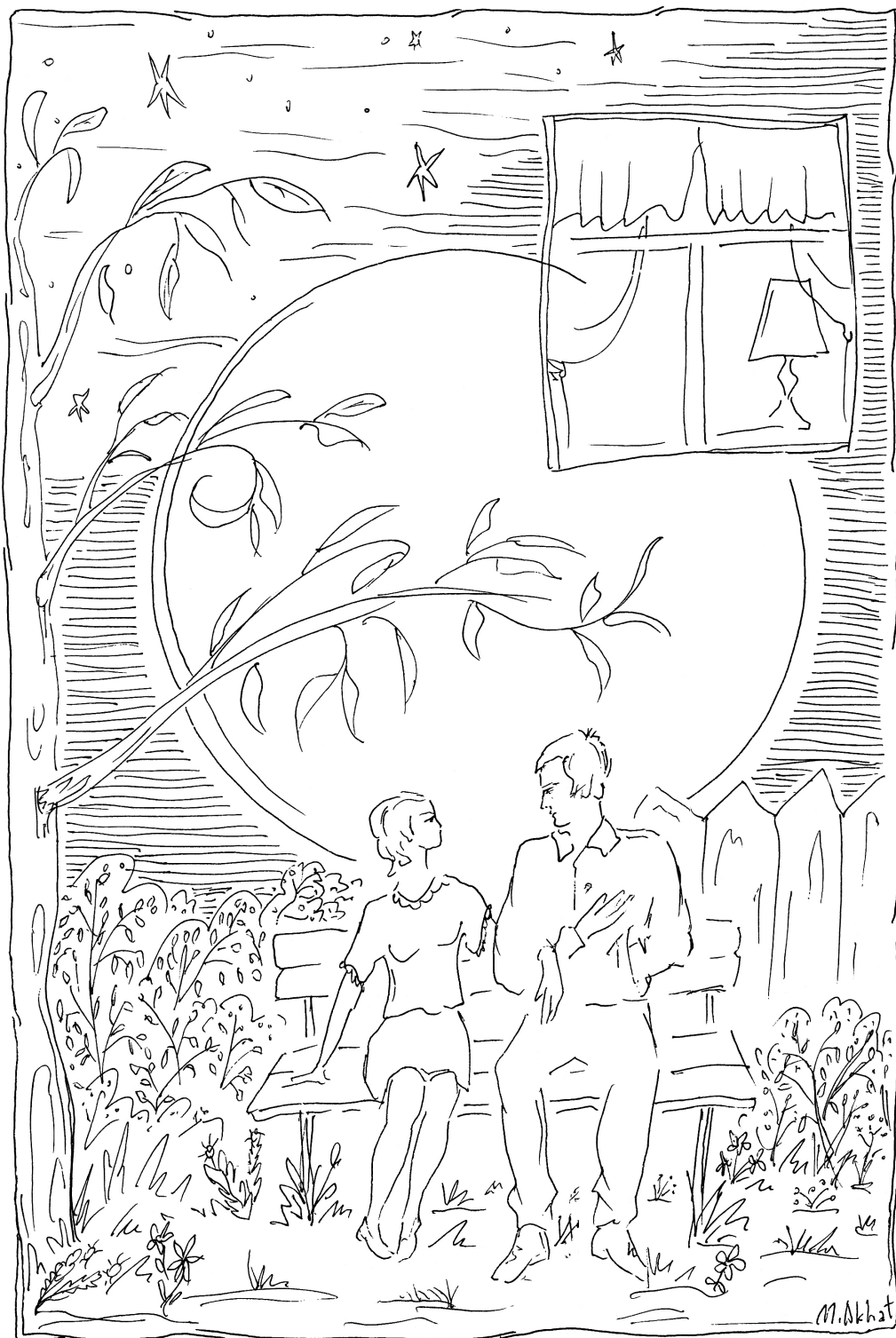
Когда я выходил из поликлиники, накрапывал дождь. Под ногами – каша из снега с песком. А ведь сейчас январь! Только вчера по первому каналу ТВ батюшка в чёрном пообещал к радости всей страны, что вот-вот ударят крещенские морозы. Что ж, времена теперь такие, что священнослужителям все верят. Может, правда через несколько дней наступит обещанное. Обычно московская погода обязательно приходит в Казань, с небольшим лишь опозданием.

Конечно, если ты здоров, то и в зимних дождях для тебя есть своя прелесть. Но я сейчас не очень хорошо соображаю. Должен был свернуть к Центральному парку и выйти на автобусную остановку, а почему-то двинулся вниз по улице Вишневого. Уходя, окинул взглядом серое пятиэтажное здание поликлиники. Когда мы были студентами, там, на первом этаже, располагался ресторан

«Таң» («Рассвет»), а верхние отдавались под гостиницу для приезжавших в город сельских тружеников. Когда-то мы были завсегдатаями на этом первом этаже. Тогда там можно было хорошо посидеть. И не задорого, по сути.

Опускалась темь, она щипала глаза и норовила заползти в мозг. Я затылком чувствовал, что небосвод становится всё ниже, словно вот-вот раздавит меня. Но он не сможет упасть совсем, ведь существует горизонт, который держит его и которого здесь, в городе, и не видно вовсе. Вдоль каменного забора, скрывавшего за собой «элитную» в советские времена больницу и больничный сад, я дошёл до улицы Шмидта и повернул налево. Давно здесь не был. Снег с дождём размазывал по лицу сумерки, но ещё можно было различить окрестности, и мне было ясно – это уже совсем не та улица, какой она была во времена нашей юности. Нет, всю до конца, как ни старались стереть с лица земли её не смогли: на углу вон остаётся деревянный дом, который когда-то был хлебным магазином. Мы частенько покупали в нём тёплые булочки. Они просто таяли во рту, э-эх...

Назира эту улицу особенно любила. Летними вечерами мы ходили здесь, вдыхая сладкий аромат цветущих лип. Улица была спокойной и безлюдной, утопавшей в зелени. На ней тогда – ни одного кирпичного дома, только деревянные. Правда, хватало и двухэтажных, вот у них нижний этаж обычно был каменный. Они смотрелись солидно, сидели крепко на своих местах. Глядя на эти дома, сердце начинало как-то странно биться – они же были здесь ещё в на-

чале двадцатого века... И должно быть, в девятнадцатом! Казалось, с тех пор улица почти не изменилась. Сохранились даже белые камни, лежавшие по обеим сторонам дороги. Наверное, в те времена, улица не была мощёной и вдоль каменных канав буйно росла трава. Её корни ещё не иссохли, и сегодня травинки из них также продолжают расти и таинственно шептаться у подножия старых тополей и лип, вставших шеренгой вдоль заборов. Около каждого дома был небольшой фруктовый сад. В этой части города люди дышали свободно. Как хозяева. У некоторых домов сохранился ещё красивый орнамент. Это благополучный, зажиточный район Казани, в царские времена татар здесь, понятное дело, ни сном, ни духом... Жили состоятельные люди – купцы, богатые специалисты... И до сих пор вечерами порой кажется, что их трепетные тени спешат куда-то по своим неотложным делам. Во времена социализма поселились здесь совсем другие люди. Строители светлого будущего. Они поделили просторные залы на маленькие комнатухи, а дворы застроили сараями, чтобы хранить в них дрова и всякий хлам. У некоторых домов не осталось ни ворот, ни заборов – во время войны или чуть позже их разобрали, должно быть, на дрова.

Мы останавливались около деревянного домика, обшитого досками и покрашенного в жёлтый цвет. Он притулился рядом с высоким многоэтажным зданием, все его четыре окна и парадная дверь смотрели на улицу. Бесхозную вещь и собака не охраняет, говорят, – дом, когда-то построенный из крепких смолистых сосновых брёвен, сильно сдал, забор был практически разрушен, а ворота завалились в сторону двора.

Назира любила сидеть на гладкой, отшлифованной временем скамеечке у этих ворот. Прижавшись ко мне... Только теперь я начал понимать её. Семья, дом, уют... Для настоящей женщины это очень важно. Назира и была таковой, вот только я тогда ещё был не в состоянии этого понять. Я жил, как перекастиполе, и любой встречный ветерок уно-

сил меня, куда ему заблагорассудится. И унёс, очень далеко унёс от Назиры.

– А ты знаешь, – спросила Назира, когда мы в последний раз сидели с нею на той скамеечке у ворот. – Что это за дом?

– Ну, что за дом? – Я обернулся. – Он всегда, как помню, был жёлтым.

Назира поморщила нос:

– Ха, жёлтым... Это же дом, который описал Амирхан Еники! Помнишь, Зуфар Сабитов перед тем, как жениться, покупает дом? Это он и есть...

– Да уж, если у тебя имеется такой дом, то можно и жениться.

Назира улыбнулась. Не знаю, может, на её лицо легла вечерняя тень, но мне её улыбка показалась вымученной. Действительно, если взглянуть из нынешних времён, то можно назвать её и безнадёжной. В душе она уже попрощалась со мной. Я и сам знаю: во мне не хватает надёжности, основательности. Ничего нет из того, что необходимо для нормальной жизни. В этом отношении Назира, конечно, ничем не отличалась от других девушек. Что она будет делать с моим туманным будущим? Из надежды не построишь крышу над головой. А фундамента нет, и не похоже, что появится. Она скоро закончит учёбу, ей уже двадцать два года – девичий век короток... Через неделю получит диплом юриста. Её пошлют работать в какой-нибудь райцентр. А я кто? До защиты диплома не допустили, на работу никто брать не собирается. Жить негде, в карманах ветер... А самое грустное, что и в голове ветер. Зуфар Сабитов... Назире нужен такой, как он, – надёжный, основательный человек. Она хочет быть счастливой. Скоро я попрощаюсь с нею, пожелав ей удачи. Тихонечко тронется поезд, будет крапать мелкий дождь, в вагонном окне в последний раз покажется её мокрое лицо...

– Назира... Назира... – я сжал её плечи. – Почему ты не пошла к нам на филологию? Зачем решила стать юристом? – Как будто дело было в этом!

– Мама... не разрешила. Сказала, не совершай моей ошибки. Она же сама закончила ваш факультет.

– Назира... Назира... Само твоё имя звучит как литературный термин...

– Да, в Средние века в восточной поэзии это была очень распространённая форма. – Назира невесело рассмеялась. Она – юрист, всему даёт точные определения. – Назира – это когда за основу своего произведения берут произведение другого автора или пишут своё в форме ответа на чужое...

– Или своему собственному произведению придают новые смыслы...

Назира прервала меня:

– Пошли! – У неё была такая привычка – обрывать на полуслове. Она резко встала и снова окинула взглядом старый дом. – Пора возвращаться.

Мы тронулись к деревянному мосту, перекинутому через овраг. По дну оврага проложена железная дорога и ходят поезда. А сразу за оврагом – общежитие Назира.

...Я остановился на этом мосту и посмотрел вниз. Уже темно, ничего не видно. Ветер усилился. Снег вперемешку с дождём бьёт мне в лицо, но я точно знаю: там внизу есть железная дорога, она идёт далеко-далеко – если захочешь, можно просто двинуться по ней, и она непременно куда-то тебя приведёт. Однако в какую бы сторону ты ни ехал, рано или поздно настанет момент, когда нужно выйти из вагона...

Как ты счастлив, когда ждёшь на перроне свой поезд! Конечно, в этот момент не думаешь ни о каком счастье, да и времени у тебя на это нет. Ты не пытаешься объяснить словами, придумать философское определение этому понятию, зачем? Вон два рельса, идеально подходящие друг другу, тянутся до самого горизонта. Они никогда не разойдутся и никогда не сольются друг с другом, но будут все время рядом – это совершенное единство! Кажется, что так и твоя жизнь, не утратив своего ритма, очень долго будет катиться прямо вперёд. Пока ты и подумать не можешь, как это страшно, когда жизненный путь вдруг начинает петлять.

А в мире торжествует лето! В один

из таких летних дней, ближе к вечеру, я, укутанный сладким дурманом цветущих лип, явился в ресторан «Таң». И хотя в ту пору попасть вечером в любой «кабак» было не так-то просто, здесь тропинка протоптана, и швейцар – наш человек – поздоровался со мной за руку и впустил меня. Расправив грудь – такое уважение кому попало не оказывают! – я прошёл внутрь. Всё здесь знакомо, всё привычно: под потолком вьётся синий дымок, а на небольшой сцене, перекрывая звяканье тарелок, вилок и ножей, выступает ансамбль из четырёх человек. Вокалист и барабанщик – ассирийцы с густыми чёрными бородами и кудрявыми шевелюрами, гитарист – мой закадычный друг Рашит – он почему-то сегодня за синтезатором; саксофонист – еврей Штейнберг, этот стоит немного в стороне, всем своим видом демонстрируя, что попал сюда случайно.

Когда я вошёл, ассириец Каландарян, сложив руки на животе, пел страстную татарскую песню, бросая слова на головы гудевшего, как пчелиный улей, зала «Тэвэккәллә, тэвэккәллә, тэвэккәллә, иркәм!», то бишь «Решайся, решайся, решайся, моя нежная!» Три подвыпившие женщины с двумя деревенскими мужиками, не обращая внимания на музыку, пытались танцевать под свою какую-то неведомую мелодию. Я окинул взглядом зал, ища свободное место. Вон там, кажется, кто-то сидит за столом один? Я окликнул официантку, спешившую с подносом в том самом направлении:

– Гуля! Добрый вечер, дорогая... Мне, пожалуйста, местечко...

Она жестом пригласила меня следовать за ней. Человек, сидевший за столом один, не был похож на заурядного обывателя. Одет вроде бы просто: немного поношенный голубой лавсановый пиджак, белая рубашка в полоску, красный галстук с крупным узлом. Большие карие глаза, прямой мясистый нос, широкий лоб... Коротко стриженные волосы, похоже, когда-то были кудрявыми, на затылке торчат непокорные петушки. Лицо одутловатое. Наверное, председа-

тель какого-нибудь колхоза, приехавший в город на семинар. Эти обычно в такие поездки берут с собой мешок денег, чтобы оторваться как следует вдали от тысячи суетных дел и ворчливых жён. Он смерил меня взглядом и поднёс к губам фужер.

– Вы позволите? – произнесла Гуля, улыбнувшись дежурной улыбкой. – Этот парень присядет тут?

Голос у него оказался густым, чувствуется, привыкшим к заседаниям:

– Студент?

Мне показался знакомым этот голос, я где-то его уже слышал. Но мне было неохота копаться в памяти, меня захватил этот навязчивый мотивчик, теперь не смогу от него отделаться, по меньшей мере, неделю: «Тэвэккәллә, тэвэккәллә, иркәм!»

– Студент, конечно, – подтвердила его догадку официантка.

– Пусть садится! – «Председатель колхоза» сделал приглашающий жест, разрешая мне, бедному студенту, сесть за стол. Только в тот момент я понял, что он довольно пьян. – Принесите ещё графин, – приказал он Гуле. – Студенту – какого-нибудь мяса... Кебаб... Жаркое из утки... в апельсиновом соусе...

Девушка ему подыграла:

– Будет исполнено, эфэнде*!

Через некоторое время она принесла две котлеты с картофельным пюре, салат и чай. Графин с коньяком поставила ровно в центре стола, а пустую рюмку проворно подтолкнула в мою сторону.

– Спасибо, сестрёнка, – сказал ей «господин» и словно невзначай коснулся её поясицы. Да уж, это не простой человек... Глядя на радостное лицо Гули, легко догадаться, что в её кармане осядут богатые чаевые. Крутой дядя! Того и гляди споёт: «Калхуз диңгез, без карабель, теләгәнчә йөзәбез!» («Колхоз – море, а я корабль: как хочу, так и плыву!»)

– Любишь яичницу? – спросил он неожиданно.

– Очень! – сказал я, отправляя в рот порцию картофельного пюре.

– Правильно делаешь... Яичницу! – крикнул он Гуле. – Когда был студентом, тоже любил, – он протянул мне рюмку, чтобы чокнуться. – А теперь вот видеть не могу. Давай, за знакомство...

Я не возражал. И хотя мы не успели познакомиться, коньяк выпили вполне дружески.

– На каком факультете учишься?

– Филология!

– Татарская, что ли?

– Да.

Он, растрогавшись, протянул мне руку:

– Дай пять, коллега!

Я не удивился. Наше отделение готовило специалистов широкого профиля. Среди них полно было и председателей колхозов. Этот дядя наверняка из тех. Вот он воздел руки к потолку и с горящими глазами начал читать стихи:

Если сможешь – пойми меня!

Не поймёшь, так дело твоё,

Но я должен сегодня

с молодостью проститься!

Он перекричал даже выступление ансамбля. Сидевшие вокруг люди, отложив ложки и вилки, повернулись к нам. Голос «председателя» окреп и стал напоминать бурную горную реку. Где же я его слышал? В деревне, что ли? Каландарян прекратил петь, и весь зал, затаив дыхание, слушал моего соседа.

Я взбегу на горы, в царство молний,

А если люди подумают

«сумасшедший»,

то пусть думают!**

Передо мной, и правда, возник озорной архаровец с сияющим лицом, стремившийся куда-то к горным вершинам, увлечённый энергией размашистых строчек всю разношёрстную публику ресторана.

Половина сидевших в зале не понимала даже, о чём он говорит. Это го-

* Эфэнде (тат.) – господин.

* Стихи Равиля Файзуллина.

лос его околдовал публику. Стоило ему умолкнуть, как со всех сторон раздались бурные аплодисменты. Дядя слегка поклонился, словно знаменитый артист, знающий себе цену.

– Ну, чьи это стихи? – спросил он.

Мне пришло в голову сказать, что, возможно, он прочёл свои собственные. Люди, работающие на земле, часто бывают романтиками, вот и этого потянуло в «царство молний»...

– Отличное стихотворение! – поспешил польстить я. – Сами написали?

Дядя был хороший человек. Широкой ладонью он стёр с лица издевательское выражение:

– Эх, студент! Ты, оказывается, совсем тёмный. Вообще о каких-нибудь татарских поэтах, кроме Тукая и Джалиля, слышал?

Я глотнул воды из фужера. Мне хотелось высказать всё в лицо этому глупцу... Я не раз сидел с Равилем Файзуллиним за одним столом! Но прикусил язык. «Председатель» платил за еду и выпивку, так что мог ли я выпендриваться тут? В такой ситуации и сам Файзуллин, каким бы он ни казался поэтом-борцом, наверное, смолчал бы. Этот дядя один имел сегодня моральное право здесь выступить! А мы – поколение, приученное к конформизму даже в ресторане.

– Зульфат... – сказал я безразлично, пряча торжество внутри.

Дядя посмотрел на меня с интересом, видно, решил, что уж не совсем пропащий я человек.

– Кто твой самый любимый поэт? – спросил он, сощутив глаза.

Я хотел сбить его с ног:

– Хуан Рамон Хименес!

– Хорошо, – сказал он, не моргнув глазом, – Антонио Мачадо был о нём высокого мнения. – Потом, хитро улыбувшись, он зажёл сигарету. – Знаешь испанский?

– Читал по-русски, в переводе... – Я не решился соврать. Кто его знает, может, он в университете выучил испанский, хотя до сих пор я не встречал ни одного студента, свободно вла-

девшего иностранным языком. – А вы знаете?

– Так, немного, – сказал он спокойно. – В университете немецкий учил. А после итальянского испанский учится легко.

Вот тебе и деревенский неуч! Про испанский после итальянского, как про водку после пива, рассуждает.

– А посевная закончилась уже? – Я хотел сменить тему.

– Такими вещами интересуется моя жена. Ей нравится возиться с садово-огородом. Я, конечно, немного помогаю. Вот сегодня побелил стволы яблонь.

– А разве вы не из деревни? – сказал я с изумлением.

Он откинул назад крупную голову и расхохотался так громко, что мне показалось, в ближайшем к нам окне зазвенело стекло.

Понятно, это же ресторан для председателей колхозов! А то уж обрадовался, думал, подцепил на крючок какого-то деревенского простофилю.

– Он достал из кармана большой клетчатый платок и вытер выступившие на глаза слёзы. – Да уж, мы такие, простофили, не герои вовсе!.. – Кажется, это был камень в мой огород. – Не переживай, я тоже был студентом, поэтому и вижу всех вас насквозь. А так, да, я родился в деревне. В Оренбургской степи.

Жаль, мне тогда не хватило ума спросить, кто он, как его зовут. Позднее я много раз сожалел об этом, но было поздно кусать локти.

Уже близилась полночь, когда мы собрались распрощаться. На улице тишина. Тогда не было такого, как сейчас: день ли, ночь ли, шумят машины, непрерывно несутся одна за другой. И время текло медленнее. Всегда находилась пара минут, чтобы нормально проститься.

Перед тем как войти в студенческий городок, мы постояли на мосту через овраг, проводили абаканский поезд, спешивший в Сибирь. Пока он, гудя, стремительно мчался вниз, деревянный мост дрожал всем телом, и казалось, что вот-вот ринется вслед, в неведомую даль,

позабыв о своём долге – соединять две стороны оврага. Вихрь, поднятый составом, взволновал и кусты сирени у моста – по всей Вселенной расплескался сиреневый дух, а где-то неподалёку неистово зашёлся в трелях соловей, словно спохватившись, что это он молчит в такой прекрасный летний вечер.

Наверное, поезда ходили на восток и запад с одинаковой частотой, но сейчас почему-то вспоминаются только те, которые шли в Сибирь. В те края они отправляются порожние, опьянённые собственной лёгкостью – несутся и волнуют кровь, дразнят нас сибирскими просторами. А поездов на запад, в Москву, вспомнить я не могу.

– Она там жила, – сказал, прервав мои размышления, дядя из ресторана.

– Кто? – осторожно спросил я.

– Назиля...

Там, куда он показал рукой, ярко горели окна жёлтого трёхэтажного здания. Кто же спит в это время?! Здание старое, построенное ещё в сталинскую эпоху, поэтому стены толстые и крепкие, а потолки высокие. Тогда если уж строили, то на века. И это общежитие, видимо, возводилось специально для аспирантов и молодых учёных. Ну и, понятное дело, некоторые комнаты там доставались тем, кто занимался не столько учёбой, сколько «общественной работой». Этим уж с младых ногтей воспитывали в особых условиях.

Не успели мы пройти десяти-пятнадцати шагов, как это здание выросло перед нами, разрывая своей желтизной синие летние сумерки.

Я чувствовал, что дядя волнуется – аж споткнулся, переходя дорогу к общежитию, подошёл к третьему окну слева и остановился. Окно было без света. Не зная, что делать, я тоже встал рядом с ним. Таинственным человеком оказался этот дядя... И что он собирался делать? Я уже понял, что там, за этим окном, когда-то жил дорогой ему человек. Наверное, любимая девушка. И кажется, эта история любви закончилась трагически. А если нет, разве это может быть настоящая любовь?!

Я сейчас думаю: то было влияние

наступающего лета. Загадочным образом в сознании этого человека в той летней ночи смешались глубокие чувства и времена. Он поднёс к губам ладони, сложенные рупором, и закричал:

– Назиля-а!

Ну, такого от нормального взрослого человека – ему было уже лет за сорок! – я не ожидал. Не успел удивиться, как раздался снова этот тоскующий крик, и его эхо разнеслось по округе, отражаясь от окон:

– Назиля-а!

Тут в комнате загорелся свет, и к стеклу окна приникла девушка с распущенными волосами. Да она же ходит со мною вместе на лёгкую атлетику! Дважды в неделю по часу мы с нею вместе занимаемся в старой церкви, которую превратили в спортивный зал. Девушка высокая, даже, кажется, немного выше меня. Вот только имени её не помню. По-моему, она учится на юридическом факультете. Может, из-за того, что такая рослая, я и не решился с нею познакомиться... Ну и вообще, у нас так много девчонок, что со всеми не перезнакомиться. Знакомлюсь только с теми, с кем учимся вместе.

Этот дядя, когда увидел девушку, вообще как будто с ума сошёл, – ринулся к окну с криком: «Моя Назиля-а!» Еле успел схватить его за пиджак и остановить от греха подальше. Девушка будто даже не удивилась всей этой сумятице, помахала рукой и пропала из виду. В ту же секунду и свет в окне погас.

Дядя, положив голову мне на плечо, разрыдался. Я похлопал его по спине, пытаюсь утешить, мол, не убивайся так, всякое случается... А что случается? – этого мне было не понять в те времена.

Выйдя на улицу Аделя Кутуя, мы долго ловили такси. Наконец, остановился дребезжащий «Москвич». Из окна машины высунулась хмурая физиономия с трёхдневной щетиной:

– Куда вам?

– На Гарифьянова!

Дядя уже вполне успокоился. Перед тем как сесть в машину он вытер лицо и клетчатый носовым платком и неловко попытался оправдаться:

– Верить ли, та девушка была очень похожа на Назилю. Прямо вылитая! Верить?

– Верю! А что не верить, в жизни всякое случается. Теперь уж и я точно знаю: после сорока кажется, что все девочки одинаково красивы.

Спасибо! – дядя пожал мне руку. – Ты хороший парень.

На следующий день я поехал в университет. Подхожу к остановке троллейбуса, а там стоит та самая девушка! Я смело направился в её сторону, помазал ей рукой и крикнул: «Привет!»

Она посмотрела на меня с изумлением.

– Вы... – начала было она, а потом рассмеялась так, словно зазвенели серебряные колокольчики (прошу прощения у искушённого читателя за это банальное сравнение). – С кем это ты был ночью?

Я обрадовался, что она заговорила со мной так по-свойски, и покраснел.

– Не знаю... Я с ним только вчера познакомился... Он прощался...

– С тобой? – снова зазвенели колокольчики.

– Со своей молодостью...

– О-о, если так, дело серьёзное!

– Да уж, не шутки.

– А почему он прощался около моего окна?

– Кажется, там когда-то жила его любимая. Её звали Назиля...

Девушка внезапно изменилась в лице, словно на неё быстро накинули вуаль серьёзности. Она побледнела. С её губ слетели слова, которые я едва разобрал:

– Мою маму звали Назиля...

Я вздрогнул от внезапной догадки. И девушка её подтвердила!

– Когда мама была студенткой, она жила в той же самой комнате. Переведя дыхание, девушка спросила:

– Кто он, тот человек?

Я пожал плечами:

– Не знаю.

Это была правда. Мы ведь с тем дядей так и не познакомились по-людски. И начало вчерашней встречи, и её про-

должение были похожи на отрывок текста из случайно найденной древней рукописи. Вроде и понятно о чём, но кто написал и когда – неизвестно.

– Вы с ним больше не увидите?

– Нет, мы случайно встретились...

Подошёл троллейбус, как обычно, битком набитый пассажирами. Мы с трудом протиснулись в уголок. Девушка оказалась тесно ко мне прижатой.

– Я – Назира... – Её тонкие тёплые пальцы нашли мою ладонь. – Ты уже пропустил два занятия, физрук жутко ругался. Сказал, если так продолжится, будем исключать...

– Да. Завтра прибегу.

– Прибегай! – засмеялась Назира.

– А что ты делаешь сегодня вечером? – спросил я, собрав всю свою волю. – Может, сходим в кино? В «Мире» начали показывать отличную комедию. «За спичками» называется. Говорят, ужасно смешно. Леонов, Вицин...

– Да, это же Гайдай! У него не смешно не бывает. А думаешь, билеты будут?

– Найдём! – успокоил я.

Увлёкшись беседой, мы чуть не пропустили Ленинский садик – только когда троллейбус почти опустел, поняли, что приехали, и поспешили к дверям.

– Ты правда не знаешь вчерашнего дядю? – спросила она.

Перед тем, как идти на занятие, мы немного посидели на скамейке у памятника Ульянову. Юристы учились в центральном здании с колоннами.

– Я же думала, это ты кричишь. Мне послышалось «Назира»... Если бы я знала...

Если бы она знала, кто кричит, и если бы она услышала имя своей матери, то выбежала бы к нам в ту ночь...

Когда мы с нею настолько сблизились, что стали делиться сокровенным, она как-то призналась мне:

– Я вообще не помню своего отца. И мама про него ничего не рассказывала. Сейчас бы я не отстала от неё, пока не расскажет, но... Моя мама умерла десять лет назад от сердечного приступа. Вырастила меня бабушка. И она ничего не говорит? Может, у меня вообще не было отца...

– Без отца ребёнок родиться не может, – сказал я, напустив на себя философско-задумчивый вид. – Если только в будущем не придумают какого-нибудь другого способа.

На лице у Назиры выступили красные пятна.

– Не делай вид, что не понимаешь! Я – ребёнок, который родился от блуда, понял? От блуда!

И она, не попрощавшись, убежала к деревянному мосту.

Но я был не в том возрасте, чтобы понимать всю трагедию этой девушки, оставшейся круглой сиротой, одной во всей Вселенной. Даже сам уже в солидном возрасте, оставшийся без родителей в силу естественных причин, чувство горькой утраты нет-нет да и сжимает сердце. А если теряешь мать и отца, когда ты ещё ребёнок... Правду говорят: горе другого человек может почувствовать только тот, кто сам испытал это. И я, оторопев от её откровенности, медленно пошёл к своему общежитию, охваченный чувством вины. Та девятиэтажка, в которой нас поселили, тоже была недалеко: перейти только дорогу.

В моей памяти осталась картина пустого вокзала, когда провожал её в район.

– Я больше не увижу тебя, – сказала она грустно.

– Не говори глупостей, не так уж далеко уезжаешь.

Она выглядела такой расстроенной, что я невольно отвёл взгляд.

– Поезжай, устройся там, и я приеду тебя проведать. Примешь меня, наверное, уже в собственном кабинете прокуратуры. – И добавил с улыбкой: – Форма тебе пойдёт... Тебе вообще любая одежда идет... – Я обнял её.

– Не утешай, – сказала она, осторожно отстранив меня. – Я ведь чувствую, что это наша последняя встреча.

Поезд тронулся. Нет, в тот момент я ничего особенного не чувствовал. Это

теперь сердце готово выпрыгнуть из груди. Почему я не остановил её, почему не поехал к ней, как обещал?!

Ладно, теперь-то какой толк от сожалений! Её уж нет. И меня нет.

Снежный дождь усилился. Я перешёл по мосту на другую сторону дороги и направился к давно выцветшему трёхэтажному зданию общежития. Рядом с ним нет уже ни сирени, ни серебристых ив. На земле большими грудками лежат бетонные сваи; кажется, здесь собираются что-то строить. Конечно, в наше время такая дорогая земля не может пустовать.

Вот оно, третье окошко слева. Форточка распахнута, оттуда доносится незнакомая мне музыка.

– Назира-а! – крикнул я. Мне захотелось поверить, что в мире существует волшебство. – Назира!

За занавеской в энергичном танце двигались тени. Общежитие колыхнулось в моих глазах, словно собиралось улететь в неизвестном направлении.

– Моя Назира-а... – Я подобрался поближе.

Внезапно занавеска откинулась, и за стеклом показалась девушка. Её волосы водопадом сбегали по плечам. Она увидела меня, улыбнулась и помахала рукой...

И всё-таки волшебство существует! Нет никаких сомнений, это была Назира! Она сама подошла к окну, чтобы попрощаться со мной. Сквозь годы до меня донёсся густой голос того дяди из ресторана:

**Я очнулся и понял, ясно понял! –
Я снова не смог попрощаться
со своей молодостью...**

На другой день утром я зашёл в поликлинику. Сероглазая врач сказала мне:

– Кровь у вас, как ни странно, нормальная.